В их детство ворвалась война

Люди. В Год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне завершаем цикл воспоминаний наших земляков о военном детстве

Редакция благодарит жительницу нашего города, краеведа Елену Реннер за предоставленные истории, которые легли в основу книги Евгении Серебряковой «Детство, опалённое войной». Завершением цикла воспоминаний стали рассказы Маргариты Журавской и Альбины Дрон.

Дрон Альбина Васильевна.

Звериные лица фашистов

Маргарита Алексеевна Журавская так говорила о своём детстве:

«Война… Наши доблестные воины на Урал врага не пустили, то была огромная цена. Но город готовился, по ночам выли сирены, голос диктора предупреждал о воздушной тревоге. Люди затемняли окна, в городе гасли все огни.

Война пришла и в мою семью, воевали два моих дяди. У папы была бронь (по болезни), он работал токарем на механическом заводе, мы его не видели неделями.

Нам, малышам, трудно было осознать, что такое война. Я в 1942 году пошла в первый класс. Знали, что идёт война, у многих папы и братья ушли на фронт и уже погибли… Однако детство есть детство.

В один из дней на урок наш учитель принёс газету. На первой странице был большой снимок, на котором трое фашистов пытают маленькую девочку. Она дочка партизана, и от неё требуют сказать, где отец. Один из фашистов поднёс к голове девочки раскалённый обруч, казалось, что сейчас он его оденет на голову ребёнка. Учитель прочитал текст, а потом прошёл по рядам и показал нам этот снимок. Мы рыдали… Вот так война ворвалась в моё детское сознание.

Помню, в город из Ленинграда эвакуировали педагогический институт имени Герцена, работников разместили в станцию юных техников, что была на улице Малышева. Была осень. Мама дала мне овощи и велела отнести эвакуированным. Люди (все в тёмной одежде) сидели на чёрных узлах прямо на полу, на лицах – горе и отчаяние. Вскоре всё устроилось, институт стал работать. Мама ещё не раз посыла овощи (хлеба-то не было, да и семья у нас была – семь человек).

В стране с ноября 1941 года были введены продовольственные карточки, норма по карточкам 200 граммов. Чтобы их отоварить, надо было рано утром, часа в четыре или в пять, занять очередь. Мама займёт, а потом меня пошлёт, чтобы очередь не пропала. Однажды я стояла в очереди, а потом пошла побегать, поиграть возле магазина, да и пробегала – очередь моя прошла. Нужно было снова её занимать. Я разревелась. Соседка тётя Вера Чернова увидела, что я реву, поставила меня в очередь впереди себя, сказав при этом: «Это ведь девочка Пискуновых. Семья-то у них, все знаем, большая. Как им без хлеба-то?». Когда дошли до продавца, мне дали булку хлеба, а тёте Вере не хватило. Она как закричит: «Мне-то булку! Мне-то не хватило!». Я испугалась, прижала к груди хлеб и бегом домой. До самого дома слышала крик и топот за спиной… Потом, после войны, когда уж у меня дети были, мы часто встречались с тётей Верой, вспоминали тот случай и просили прощения друг у друга.

В школе давали 50 граммов хлеба, это был маленький чёрный липкий кусочек. Мы были голодные, но я несла хлеб домой, в обед делили его и ели с похлебкой. Я и теперь удивляюсь, как мама умудрялась нас кормить и одевать…

Трудно было и после войны. В семье было уже три ученика. Надо было обуть-одеть детей. А как?

Мы с подружками ходили в лес за земляникой. Уйдём рано утром вместе с табуном и придём с табуном. А мама ягоды сдаст в приёмный пункт, за это давали чуть-чуть денег, а главное – талоны на обувь.

В шестой класс я пошла в новых чёрных калошах (дали на талон). Мама связала мне из каких-то пёстрых ниток носки. Как я была счастлива! Ведь была обута лучше других, а главное, ноги в тепле и сухие. И вот, урок физкультуры, а я в строю в новых блестящих калошах! Учитель Иван Георгиевич Плаксин посмотрел на строй и говорит: «Пискунова! Шаг вперёд! Ты куда это собралась? Сено грести или на урок? Иди и приведи себя в порядок!». Я ушла в класс, села на своё место, на глазах слёзы. Пришёл Иван Георгиевич, стал меня воспитывать. Не помню, что он говорил, все мысли у меня были о моих новых калошах.

Время шло, мы стали коллегами, и вот на одном из дружеских вечеров я ему рассказала про свои блестящие калоши. Оба смеялись! Конечно, что было, то было. Теперь-то смешно, а тогда у меня была большая обида.

Прошло почти семьдесят лет, но я и сегодня чётко вижу звериные лица фашистов со снимка из газеты, помню выражение лиц педагогов ленинградского пединститута при первой встрече, никогда не забуду длинные очереди за хлебом, вкус маленьких чёрных кусочков… И хочу дать наказ всем поколениям: «Люди! Берегите мир! Нет войне!».

От голода кружилась голова

Воспоминаниями о своём военном детстве делится Альбина Васильевна Дрон.

Детство моё выпало на военное время. Жили мы в тогда в Новосибирске – в городе, в котором все работали на Победу…Нас не бомбили вражеские самолёты, но я всегда испытывала страх, услышав их гул (мы жили возле военного завода им. Чкалова, где делали самолёты).

Моя мама работала на заводе, я всё время была с бабушкой. Есть было нечего, варили щи из крапивы. С супом ели жмых – маленькие чёрно-коричневые твёрдые кусочки.

Помню, как выстаивали огромные очереди за хлебом, а чтоб не потерять очередь, писали номер на руке. Очередь была длинная, молчаливая, а мне хотелось побегать, поиграть, но бабушка крепко держала меня за руку. От усталости и голода кружилась голова, темнело в глазах. Было и так: простояв часами в очереди, уходили ни с чем: хлеба не хватало. Бабушка со слезами на глазах, читая молитву, шла домой, а я не понимала, почему она плачет и почему сегодня не даёт мне хлебушка?

Недалеко от нашего дома находился лог (это можно сравнить с огромным котлованом), вымытый водой. Во впадинах, похожих на норы (то ли вымытые водой, то ли вырытые специально) жили бездомные люди, которых называли «побирушками» (сейчас таких людей называют бом-

Журавская Маргарита Алексеевна.

жами). Днём там никого не было, и мы, дети, любили туда ходить, искали там что-нибудь покушать, обшаривали каждый сантиметр, но, кроме грязного тряпья ничего не находили. Иногда от усталости валились с ног, там и засыпали.

В нашем доме было радио – большая чёрная тарелка. Вечерами у нас собирались соседи послушать новости с фронта. В такие минуты бабушка всегда брала меня на руки и говорила уверенно: «Кончится, кончится эта проклятая война, придёт твой папка, тётя Аня». Потом перечисляла всех соседей, которые были на фронте.

Не обошла беда нашу семью, с фронта не вернулись мои дядя и тётя… Помню, как плакали мама и бабушка, держа в руках треугольные письма – похоронки. А я никак не могла понять, что случилось.

День Победы не забуду никогда. Солнечное тёплое утро. По радио объявили о нашей победе. Я прыгала и повторяла: «Скоро папа приедет!». А все вокруг почему-то обнимались, смеялись и плакали одновременно.

Отец вернулся с орденами и медалями. Мне было интересно их рассматривать, мама читала мне, что на них написано, а папа рассказывал, за что он их получил.

Потом папа привёз нас в свой родной город Кыштым. Здесь я впервые увидела настоящих немцев. Это были военнопленные, которые работали на стройках. Их водили большим отрядом. Мы бежали за ними, рассматривали. Немцы были усталые, понурые, некоторые улыбались и что-то говорили на своём языке. Женщины совали им какие-то свёртки, теперь-то я уверена, что это была еда. И могу с уверенностью сказать, что, несмотря на все тяготы войны, на все то горе, какое пережил советский народ, русская душа щедра. Не озлобилась, в русской женщине осталась доброта.